

A photograph of a whimsical, fairytale-style castle. The main structure is painted a vibrant pink, with white stone accents around the windows and arches. It features several towers with conical roofs and decorative elements. A sign on the front of the castle reads "Auberge de Cransillon". The castle is surrounded by lush greenery and pink flowers in the foreground.

тарасов с.е.

**старая избушка на
куриных ножках**

Сергей Тарасов

Старая избушка на куриных ножках

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70457674
SelfPub; 2024*

Аннотация

Достал из кармана загадочную горошину и стал ее разглядывать. Это был кристалл рубина – бочкообразный формы, темно-красный и практически без трещин. Такая форма кристаллов была только у рубинов, это я знал из курса минералогии, которую сдал когда-то в институте на пятерку.

Сергей Тарасов

Старая избушка на куриных ножках

День угасал прямо на моих глазах. Солнце уже почти зашло, и большие размытые тени от елей и сосен лежали на лыжне, по которой я ехал домой. Мне надо было поторопиться, иначе предстояло ехать при свете звезд, или луны по морозному бесконечному лесу. Я ехал очень быстро, из всех оставшихся сил толкаясь палками, и не глядел по сторонам, только на лыжню. Несмотря на мороз, мне было жарко в одной тельняшке под старенькой энцефалиткой. Небольшая, уже пустая сумка для еды колотилась по ножнам с большим охотничьим ножом.

Я забрался на невысокую горку, достал сигареты и решил передохнуть и отдышаться, перед долгим спуском в болотистую пойму таежной речки. За ней я мог себя чувствовать в полной безопасности, – там были знакомые с раннего детства места, по которым можно проехать и в темноте. Но сначала надо было благополучно переехать через речку – в ней уже были промоины, и в сумерках можно было запросто в них провалиться. Речка была неглубокой, и утонуть в ней я не боялся – просто продолжать бег на мокрых лыжах было невозможно.

Лыжня, по которой я ехал, на вершине раздваивалась: одна спускалась к речке, а вторая вела вглубь сумрачного леса. Что и кому понадобилось в этом медвежьем углу, мне не было известно, но стало интересно, я бросил докуренную сигарету и решил узнать, куда она вела, эта натопанная лыжня. Спустя несколько минут я заехал по ней в густой ельник, за которым начиналось высохшее болото с сухими елками и многочисленными кочками, покрытыми снегом. Лыжня свернула к небольшому бугру и там, видимо заканчивалась – вряд ли незнакомые лыжники решили пройти по кочковатому болоту, где каждый шаг мог привести к поломке лыж.

Я подъехал к бугру, где было все утоптанно, и дальше была обычная тропинка, которую уже припорошить снегом. Она привела меня на маленькую полянку, окруженную со всех сторон высокими елями. На ней было костровище и рогулины, на которых обычно готовили обед, или кипятили чай, а за ним старая избушка с дверью, припертой колом. Я снял лыжи, палки и убрал кол. Дверца сразу отворилась, словно приглашая мне зайти. На полянке под сенью высоченных, раскидистых елей уже царили сумерки, и чтобы разобрать, что там было, в избушке, я срезал с молодой березки бересту и зажег ее перед входом, затем с факелом ступил через порог.

Слева от входа был очаг с камнями, на стенках висели повешки, эмалированные кружки и несколько закопченных

кастрюль. Справа находились широкие нарты, сделанные из толстых сосновых столов, слегка обтесанных топором. Они были установлены на толстых чурках и довольно высоко над земляным полом. На стенке предо мной висел небольшой кухонный шкафчик, и когда я его открыл, то понял, что сегодня вечером я не умру с голоду: там была заварка, хлеб, луковица, соль, банка с сахаром, несколько пакетиков супа и несколько банок со сгущенным молоком.

Я посмотрел на свои часы, и понял, что сегодня уже поздно добираться домой – надо было переночевать здесь, а утром доехать до речки и при свете дня перебраться через опасные промоины, в которые мог в темноте провалиться. Вышел на улицу, и стал искать дрова для ночевки. Около костра была небольшая поленница, и я стал выбирать из нее сухие поленья, отбрасывая в сторону еловые поленья – от них было много искр, а я не собирался сгореть ночью в этой избушке. Набрал охапку березовых поленьев и занес их внутрь. Стены у очага были обиты листами железа, а в потолке было небольшое отверстие, для выхода дыма.

Я зажег несколько березовых поленьев, и когда береста загорелась, внутри стало светло и тепло. Можно было приготовить ужин – я здорово проголодался. В один котелок и большую кастрюлю набрал снега, и когда он растаял, добавил туда еще снега из кастрюли, которую я плотно набил снегом. С водой для ужина и завтрака было покончено, и когда вода закипела, я налил в кружку кипятка, а в котелок вытрях-

нул содержимого пакетика с супом. Пока он варился, открыл банку со сгущенным молоком и налил его в кружку с кипятком.

Через десять минут я уже с аппетитом ужинал. Хлеб, который я отогрел, был вкусным, суп тоже, а молоко горячим и очень сладким. В избушке стало очень тепло, и я снял энцефалитку и спортивную шапку. Березовые поленья горели ровным и ясным пламенем, я пододвинул к ним большие камни очага, чтобы они нагрелись, как следуют. Они них будет еще долго тепло, а я не собирался засыпать и просыпаться от холода. После плотного и горячего ужина меня стало клонить в сон, но засыпать было еще рано. Надо было еще покурить, и осмотреть пространство под нарами.

Под нарами было много места, и почти все оно было заставлено всякой ерундой – пустыми ведрами, ящиками, черенками для лопат и какими-то брезентовыми свертками. Я вытащил один и развернул. В нем оказались одеяла. Очень кстати, улыбнулся я про себя, и тут же развернул одно из них. Оно оказалось большим и теплым на вид, и я кинул его на нары. В следующем были горняцкие каски с фонариками. Я задумался, зачем они тут оказались. Им место в строящем метро, или в шахтах, но не в старой избушке под елками. Осмотреть большую часть прилегающую к стене пространства под нарами мне мешали ведра и инструмент – лопаты, кайло и ломы. Пришлось поступить проще – я попробовал одно из бревен на нарах – оно шевелилось, и тогда я сдвинул

его в сторону.

Оказывается, что все барахло под нарами было сложено у прохода. За ним, у стенки, не было ничего, кроме земляного пола. А у стенки стояла простая заслонка, какой закрывают русскую печку, когда в ней остаются угли. У меня дома была русская печка, в которой иногда пекла пироги моя бабушка. Но здесь печки не было. Зачем тогда понадобилась заслонка? Я залез за ответом на этот вопрос на нары, взял ручку от заслонки, отодвинул ее в сторону. За ней была большая дыра, и из нее пахло сыростью и тайной. Лезть в нее ночью без фонарика было неудобно и рискованно, и я оставил эту дыру на утро, когда рассветет.

Положив бревно на место, я запихал все под нары, завернулся в одеяло, лег на нары поближе к догорающему костру и уснул. Ночью мне снились странные сны, но ни один я так и не запомнил. Проснулся от холода. Дрова все прогорели, угли погасли, и в избушке было холодно. На улице оказалось светло, – наступило серое морозное утро. Пощелкивая зубами от холода, я вышел из избушки и пошел за дровами.

Когда развел в очаге костер и вскипятил чай, я сел с горячей кружкой перед огнем и закурил первую утреннюю сигарету. Надо было выяснить, что за дыра была под нарами, и потом, надо было надевать лыжи и двигать домой – наверное, мои родители уже меня потеряли.

Надел энцефалитку, отодвинул бревно, потом соседнее, и полез выяснять, что за дыру я обнаружил вчера ночью. В нее

можно было залезть, согнувшись в три погибели, и я с куском бересты в руке протиснулся в узкое пространство между стенками. У входа встал на колени, зажег берестяной факел и окинул взглядом картину подземного хода, который был точь в точь, как штрек в геологоразведочном шурфе – так же была устроена крепь, и так же были укреплены стены, только вместо досок были жерди. Ход вел вперед, но я не спешил посмотреть, куда он ведет – одному, без фонарика делать тут нечего. Я перевел глаза на пол подземного хода, и там что-то мелькнуло, какой-то красный отблеск. Я осветил туда берестяным факелом, и обнаружил какой-то осколок красного цвета, размером с горошину.

Береста стала обжигать пальцы, и я с проклятьями вырвал ее на пол, а потом задом выбрался наружу. Сразу пошел на улицу, где достал из кармана загадочную горошину и стал ее разглядывать. Это был кристалл рубина – бочкообразной формы, темно-красный и практически без трещин. Такая форма кристаллов была только у рубинов, это я знал из курса минералогии, которую сдал когда-то в институте на пятерку.

Значит, здесь работали черные геологи, которые отыскивали драгоценные камни прямо у моего дома. Кристалл был по размерам почти карат, и если его огранить, то он бы стоил целое состояние. Надо было пригласить моих друзей и добраться до забоя, где наверняка можно добыть не один такой кристалл – а целый карман, или мешок. С такими радужны-

ми мыслями и планами я навел в избушке порядок, положил все на место, закрыл дверь и подпер ее колом.

Потом надел лыжи, палки и направился сквозь заросли ельника на горку, с которой я съехал, чтобы узнать, куда идет непонятная незнакомая лыжня. Это я узнал, и теперь мне надо живым и невредимым добраться до дому.